

НОГИ ВВЕРХ!

*К перформансам
Оли Кройтор
невозможно
остаться
равнодушным.
У зрителей
они вызывают
разные реакции –
от стремления
присоединиться
до желания
схватиться
за пистолет.
Пока, к счастью,
игрушечный.*

Текст:

Екатерина
ВАГНЕР

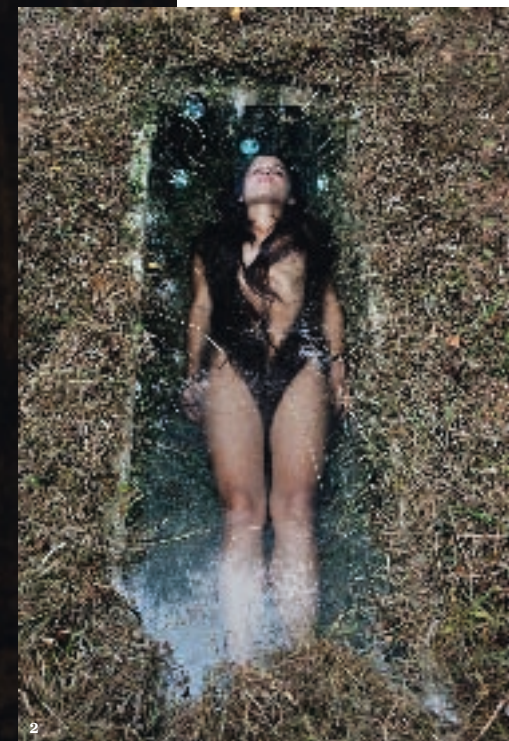
Фото:

Владимир
ВАСИЛЬЧИКОВ

Признаюсь честно – ваш покорный автор вообще-то не из пугливых, но такой паники, как перед съемкой Оли Кройтор, у меня не было давно. В голову лезло разное: «А что будет, если веревка не выдержит? Кто пойдет под суд – только мы с фотографом или парикмахера и визажиста тоже привлекут как соучастников?» Сама же художница была абсолютно спокойна. Среди ее перформансов бывали и более опасные, чем «Преодоление», в течение которого, вися вниз головой, она раскачивает собственное тело, напрягая разные группы мышц. («Если просто дергать руками и ногами, ничего не выйдет, кроме хаотичных рывков. Надо вытянуться, как струна, и переносить центр тяжести из одной точки тела в другую», – объясняет Оля). Перформанс можно толковать по-разному – то ли это образ современного человека, жаждущего действия, но скованного навязанными обществом правилами, то ли горькая ирония на тему модного в ура-патриотических кругах выражения «раскачивать лодку». Еще проще и многограннее работа «Точка опоры», за которую Кройтор получила в прошлом году Премию Кандинского в номинации «Молодой художник». Оля два часа стоит неподвижно на четырехметровом столбе, словно живой памятник. Тут вам и пропасть между творцом и толпой, и одиночество, и уязвимость... Правда, сама Кройтор не любит разъяснять смысл своих работ, считая, что чем они многозначнее, тем лучше. Например, перформанс на фестивале «Архстояние», когда обнаженная художница несколько часов лежала под стеклом в углублении, подозрительно напоминающем могилу, не имеет названия – чтобы не ограничивать для зрителя поле интерпретаций. «Я делаю перформансы в первую очередь для себя и о себе. Но чем честнее ты расскажешь о себе, тем больше людей смогут найти в этом что-то близкое для них самих», – говорит Оля.

Реакции зрителей, впрочем, непредсказуемы. На «Архстоянии» одна посетительница разделась, легла на стекло и пролежала так больше часа. Но это еще цветочки! «Когда я стояла на столбе на вокзальной площади в Алматы, несколько человек подошли и стали его раскачивать, – вспоминает Оля. – А потом кто-то начал стрелять в меня из игрушечного пистолета. Пули были пластмассовые, но все равно больно! Он целил все выше, я даже испугалась, что попадет в глаз. Успел выстрелить в меня пять раз, а потом мои друзья схватили его, когда он, спрятавшись за ларьком, перезаряжал пистолет. Они ему кричат: «Сума сошел? Зачем ты это делаешь?» А он в ответ: «Я такого искусства не понимаю». Для меня это стало открытием – что человек может из-за непонимания причинить другому вред». При этом адреналин для Кройтор – не самоцель. «Я не люблю экстрим, никогда не увлекалась рискованными видами спорта, – признается Оля. – Перформансы приходят мне в голову в виде картинки. Когда в воображении появляется хороший образ, его так хочется реализовать, что об опасности уже не думаешь. Я не сверхчеловек и, конечно, испытываю страх. Забравшись на столб, первые несколько минут стою и думаю: «Господи, зачем я это делаю?» Вопрос резонный, но в глубине души Оля знает на него ответ. «После перформанса ты полностью меняешься внутри. Появляется сверхсила, второе дыхание. Первое время ты в каком-то состоянии турбулентности – кажется, можешь расхохотаться и расплакаться одновременно. Перформанс – особый язык. То, что можно сказать на нем, не выразишь никак иначе».

ФОТО ПРЕДСТАВЛЕНО ПРЕСС-СЛУЖБОЙ МУЗЕЯ МОСКВЫ (1); АЛЕКСАНДР НАРОДНИЦКИЙ, 2013 (1)

1 «Точка опоры»,
двор Музея Москвы,
2014. 2 Без названия.
Фестиваль
«Архстояние», 2013.
3 «Преодоление».
Съемка для Harper's
Bazaar Art, 2016.

Стиль: СВЕТЛАНА
ВАШЕНЯК; визаж:
ТАТЬЯНА КАЙА;
ассистент фотографа
ВАСИЛИЙ ПАТРАКОВ;
ассистент стилиста
АНГЕЛИНА БЕЛОКОНЬ;
продюсер НИНО
АРШБА; ассистент
продюсера РАДМИЛА
МАКСИМОВИЧ.